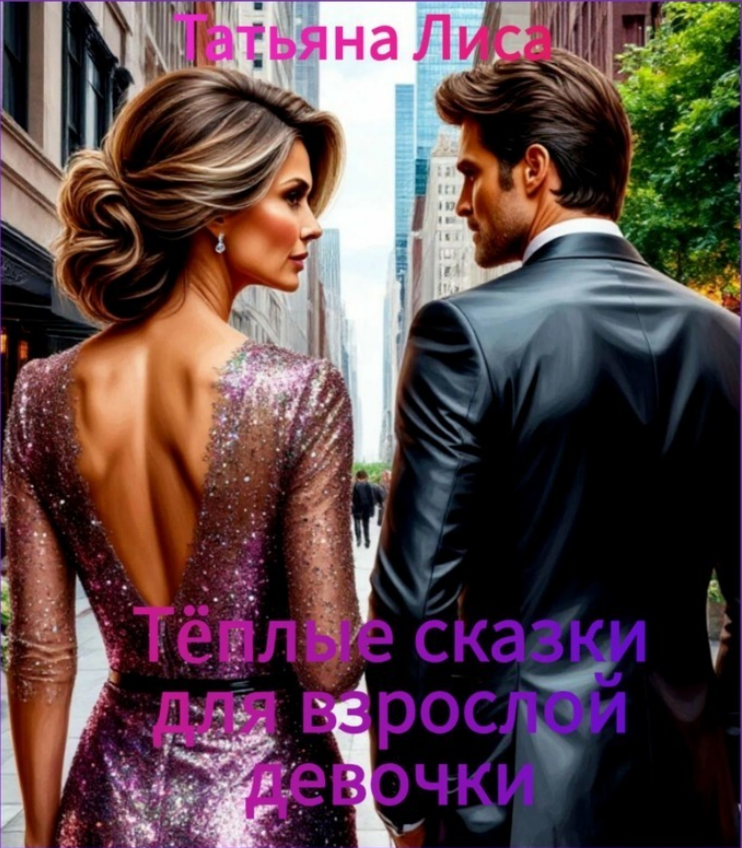


A man and a woman are standing on a city street, looking at each other. The woman is in the foreground, wearing a shimmering, sequined, long-sleeved dress with a deep V-back. Her hair is styled in a voluminous, wavy updo. The man is standing slightly behind her, wearing a dark, well-tailored suit. They are both looking towards each other. The background shows a city street with tall buildings and some greenery.

Татьяна Лиса

Тёплые сказки
для взрослой
девочки

Татьяна Лиса

Тёплые сказки для взрослой девочки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72279937
ISBN 9785006763777*

Аннотация

В книге собраны три трогательные истории о любви, которые не оставят равнодушным ни одного читателя. Каждая история уникальна и самобытна, но все они объединены общей темой – любовью во всех её проявлениях. Читатели смогут погрузиться в мир эмоций и переживаний героев, пережить вместе с ними моменты радости и грусти, надежды и отчаяния. Книга станет прекрасным выбором для тех, кто ценит искреннюю и чувственную прозу, и подарит незабываемые впечатления от чтения.

Содержание

Юлька	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Тёплые сказки для взрослой девочки

Татьяна Лиса

© Татьяна Лиса, 2025

ISBN 978-5-0067-6377-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юлька

Юлька возвращалась домой ночью. Нет, можно было, конечно, приехать и завтра, после обеда, как все остальные и сделали, но она так устала от этих занятий, что уже ни о чем, кроме дома, думать не могла.

На курсы повышения квалификации ее отправило начальство. Новое. Молоденькая профурсеточка. Сама жизни толком не видела, а туда же, учить ее Юльку вздумала.

– Вы, Юлия Анатольевна, работаете в престижном салоне и должны соответствовать нашим стандартам. А вы, извините, не знаете модных тенденций.

А то, что к Юльке запись на два месяца вперед расписана, это не учитывается? А то, что у нее своя клиентская база сформирована, это не считается? Да в этот салон только из – за Юльки солидные клиентки приходят. Ну не нужны нормальным женщинам разноцветные пряди и обкромсанные челки!

Тем не менее, с начальством не спорят, и Юлька, собрав чемоданы, две недели назад отбыла в Нижний Новгород на курсы парикмахеров.

Только троим из них было за сорок. Остальные – молоденькие девчушки, восторженные и глупые, искоса посматривали на старух и диву давались, чего эти клуши забыли в мире красоты.

Действительно, снимая сапоги в прихожей, подумала Юлька, конкуренцию молодежи они могли составить только в профессиональном плане, а по остальным параметрам: молодость, кураж и красота, уступали провально.

Вешая плащ на вешалку, Юлька обратила внимание на голубой пуховичок. Эта вещь ей явно не принадлежала. Никакая мысль еще закрасться не успела, а Юлька уже обнаружила белые ботильоны и чужую женскую сумочку, небрежно брошенную на полу.

– Н-да, – провела Юлька рукой по лбу, – видимо, вечер перестает быть томным...

Дома она должна быть только завтра, она и Игорю так сказала. Только экзамен свой она сдала еще утром, диплом о прохождении курсов получила уже в обед, и поэтому на поезд, уходящий сегодня, тоже успела. «А не успела бы, – подумала Юлька, проходя в комнату, – так и приехала б, как нормальный человек, только завтра. И не увидела бы в своей постели ни бабу чужую, ни поганца своего, эту бабу обнимающего».

Вошла, как на автопилоте, и остановилась. И что теперь делать? Будить, скандал устраивать? Посуду бить? Морды разукрашивать?...

Девица, насколько Юлька могла судить, была молода. Свет, падавший из коридора, был слабоват, но, прищурившись, Юлька рассмотрела и формы, и пропорции. 1:0 в пользу соперницы.

Что ж ей сделать, гадине? Ты смотри, как спит крепко! Не слышит даже, что по квартире ходит кто – то. Юлька бы услышала. Она вообще спит чутко. Не в пример этим двоим. Игорь даже всхрапывает, подлец. За такое Юлька бы уже и щипнула пару раз, а эта, смотри, не реагирует даже.

Сходить что ли чайник вскипятить, да вылить на нее? Или на обоих? Надо же, когда Юлька прижималась к Игорю ночью, он всегда отодвигался, говорил, что ему жарко, а тут ничего, сам прилепился. И не потеет, гадина.

Тихо – тихо, на носочках, Юлька прошла к своей тумбочке и открыла дверцу. Иногда перед сном она любила что –нибудь повязать, и в тумбочке всегда лежал такой нужный рукодельнице аксессуар, как ножницы. Волосы у этой нимфы были красивые. Длинные. Юлька в таких толк знала, – немало усилий и средств отнимает такая красота. Тихонечко, едва касаясь, она подцепила широкую прядь с самой макушки и щелкнула ножницами. Тут уж девушка и проснулась.

– А-а-а, – закричала она, увидев перед собой Юльку, – а-а-а, – завизжала она еще громче, разглядев в Юлькиных руках сначала ножницы, а потом и длинную прядь волос. По мере того, как она лихорадочно обшаривала руками свою голову, визг ее становился все пронзительнее и все отчаяннее. Игорь, естественным образом проснувшийся, недоверчиво хлопал глазами, быстро – быстро переводя их с одной женщины на другую.

– Игорь!!! Что она здесь делает? Ты посмотри, что она

натворила! Оторви ей руки сейчас же! Дура! Да она мне чуть скальп не сняла!

Юлька невозмутимо наклонилась к сопернице и громко щелкнула ножницами:

– Пошла вон.

Девушка слетела с кровати. Быстро собирая вещи, она не переставала рыдать, и Игорю, видимо, стало ее жалко.

– Юлия, успокойся. Что ты как баба базарная? Ты, вообще, что так рано?

– Извините, не хотела вас тревожить.

– Игорь, что ты с ней разговариваешь? Она твою любимую девушку изуродовала! Да по ней психушка плачет! Что ты лежишь?

– Да, что ты лежишь, Игорюша? Иди, проводи девушку. Ночь на дворе.

– Э, да – да, Людочка, я сейчас. Подожди, я провожу. – Встав с кровати, он и в самом деле стал одеваться. Юлька покачала головой.

– И давно это у вас?

– Давно – давно! Не сомневайтесь! Игорь, вообще, с вами разводиться будет, понятно? Как он еще жил с такой калашей? Игорь давай быстрее, – позвала Людочка из прихожей.

– Юль...

– Чеши – чеши, Казанова. – Юлька бросила на кровать свой трофей, – темная прядь рассыпалась по подушке. Игорь переводил взгляд с нее на Юльку, и, явно, не знал, на что ему

решиться. В конце концов, он вышел вслед за Людочкой.

И только, когда дверь за ними захлопнулась, Юлька заплакала.

Вот так вот и проходит жизнь, – думала Юлька, глядя в окно поезда. Медленно поплыл перрон, и она отвернулась к стене. Юлька специально залезла на вторую полку. Чтобы попутчики не мешали, в душу не лезли и в разговоры бесполезные не тянули. Хотелось, конечно, шикануть и выкупить все купе, ехать всю дорогу одной и не тесниться с соседями, но Юлька не рискнула. Неизвестно еще насколько ей хватит денег, и на что она будет жить дальше.

С работы она уволилась, со скандалом, правда, ведь курсы свои она еще не отработала. С места прописки выписалась, жить она здесь больше никогда не будет. С Игорем вот только не развелась, да и Бог с ним. Это пусть будет маленькой мстью для Людочки, – и мужик рядом, а все равно ж не свободен, гад.

И Игорю Юлька напоследок нагадила. Некрасиво, конечно, да что ж теперь поделаешь – то. Не очень и соображала – то она тогда. Состояние аффекта, наверное. А, может, и блажь ее женская, дурь, так сказать, бабья.

Игорек ее разлюбезный, хоть и трудился в фирме водителем, руки имел умелые, в народе про такие говорят, золотые. Юлька его руками очень гордилась, радовалась, что вся ме-

бель в ее доме этими рученьками сделана, резьбой ажурной украшена и где надо, даже расписана. Правда, вещи Игорь делал прекрасные, и в другое время Юлька никогда на такое не осмелилась бы, а тут, поди ж ты, взяла в руки нож и напакостила.

Кухонный гарнитур, виноградной лозой увитый, каждый листик и ягодку которого сама Юлька когда – то заботливо протирала, теперь украшала глубокая надпись «Козлище». Мебель в спальне, каждый предмет которой украшал затейливый вензель, с буквой Ю посередине, теперь так же витиевато был испещрен глубокими царапинами. Ну и, наконец, зеркало, которое стояло в прихожей, Юлькино любимое, на дубовых ножках, то, которое Игорек специально ей мастерил к тридцатипятилетию, аккуратненько, потихонечку, так, чтобы оно из подрамника не высыпалось, она стукнула пассатижами. Тут же лежали, родимые, будто часа своего поджидали заветного. Последний раз сквозь получившуюся паутиносеточку посмотрела на себя Юлька в зеркало, и из квартиры своей удалилась.

Это молодежь убегает из дома порывисто. Ни вещей, ни денег с собой оскорбленные могут не взять. Юлке в ее исполнившиеся сорок пять так бегать не пристало.

Заранее, в две большие сумки Юлька сложила вещи по сезонам: это она будет носить зимой, это летом, а это, как говорится, и в хвост и в гриву. Из дома она уходила навсегда, поэтому забрала с собой и личные вещи: семейные фотогра-

фии, документы, какие – никакие, но все ж таки драгоценности, и, конечно, деньги. Игорек откладывал на машину, она – то ли на отпуск, то ли на шубу, но теперь, в связи с тем, что мужу она добровольно оставляла квартиру, Юлька посчитала себя больше чем вправе деньги эти присвоить себе.

Сумки она по одной перетаскала на вокзал и сдала в камеру хранения. Пока занималась увольнением, пока выписывалась из квартиры, пока доделывала все свои дела в этом ненавистном городе, Юлька жила у подруги. Та даже рада была такому повороту событий:

– Слава тебе Богу, Терентьева, прозрела! Вот точно, что тетеря! Сколько ты своего упыря терпела? Год, два? Ах, пятнадцать лет, матушка? Ну, это уж ни в какие ворота... Ну, теперь – то ты Юлька заживешь, моя хорошая! Ну, теперь – то ты вздохнешь полной грудью, моя ласточка!

Ласточка смахнула слезы и заворочалась на жесткой полке. Легко Ирке рассуждать, а каково это вычеркнуть из жизни пятнадцать лет жизни? Как это остаться к старости лет без мужа и намека на личную жизнь? Кому она теперь нужна, старая и толстая корова? Права была эта пигалица, калоша она и есть калоша. Располнела, разжирела, запустила себя Юлька уже ох как давно. Как – то и незаметно, вроде бы и естественно как – то померкла Юлькина красота. Сначала жирком обросли ножки, потом попка, а потом абсолютно бесследно исчезла и талия. Живот повис, шейка потяжелела, и какие – то ни было прически «быть к лицу» перестали.

Юлька стриглась коротко, ежиком. Оставляла на височках длинные прядки, высоко ставила своего «ежика», и создавала таким образом себе иллюзию «нетолстого» лица.

Игорь говорил, что она не толстая, у нее просто есть проблемные места. Вроде и вниманием ее сильно не обделял, вроде бы и жили они, как и прежде... Ну, ругались порой, скандалили, так кто ж после стажа в браке живет идеально? Оказывается, Игоря это все – таки, не устраивало...

Ах ты ж, Господи, мерзопакостно – то как на душе сделалось... И куда она теперь, Юлька родненькая, едет? Кому скажи, пальцем у виска покрутят и правы будут. Потому как и сама она не знала, куда в данный момент направляется. Нет, никаким порывом это не было, Юлька, вообще себя считала дамой рассудительной и довольно – таки обстоятельной. А посему абсолютно сознательно ею был выбран маршрут самого дальнего следования. Далекий Алтай – это была ее цель и конечная точка маршрута. Кто ее там ждет, спрашивается?..

Да и не нужен ей, по большому счету, никто. Вообще никто. Ни муж, ни подруги, ни знакомые какие бы то ни было. Сентиментальностью лишней Юлька никогда не страдала, поэтому бросить все это было не сложно. Работа – это всего лишь работа, никому она там не нужна и уж не дорога, тем более. Подружки... Да, что это за подружки, если лишнего им сказать стесняешься, хвастаться опасаясь, а душевности в отношениях и в помине нет?

Ну, с мужем и вовсе все понятно, этот человек, как выясняется, меньше всех Юлькой дорожил, о нем и тужить нечего. Получается, ничего ее в этом городе и не держит более. Больше двадцати лет она прожила здесь, а родным этот город так и не стал. На Родину, так сказать малую, в небольшую деревушку, где Юлия родилась, ее тоже не тянуло, но и здесь чувствовала себя чужой до самого последнего момента. Может, и к лучшему, – ничего, как говорится, и не ёкнуло. Даже, когда Ирка ее на вокзал провожала, вполне натурально приплакивая и приговаривая:

– Удачи тебе, моя хорошая. Век не забуду, родненькая. Ты хоть позванивай, а? Я твоему, зуб даю, точно не скажу, где ты есть, но ты уж хоть маякни, ладненько? Я за тебя, знаешь, как переживать буду?

Эта, может, и будет. Ирка среди всех Юлькиных подруг самая нормальная. Благо Игорь этого не слышит, – он, наоборот, ее больше всех недолюбливал, и пустоголовая трещетка – это не самый обидный эпитет, что он позволял себе относительно Ирины.

Юля вздохнула. Что за жизнь? На пороге старость, а она чистый лист, видите ли, переворачивает... Может, не надо было вот так вот все рвать? Кому от этого стало легче? Игорьку если только, – облегчила ему жизнь, сбежала, квартиру им с Людочкой оставила, Людочке этой и вовсе мужа собственного презентовала.

Юлькины соседи по купе зашуршали пакетами, зашевели-

лись и оживленно захрустели припасами. Ох и не любила же Юлька еду в местах скопления народа. Что вот делать сейчас, если есть ей с ними не хотелось, а есть потом одной и вовсе не прельщало? Запах чужой еды был неприятен. Особенно отличался дух пельменей, вот уж пакость какая, — ешь — вроде бы вкусно, а смрад такой стоит, что на них и не подумаешь. А колбаса? Этой вообще первое место надо дать, — наш народ в дорогу преимущественно ее покупает.

Кое как спустившись со своей полки, Юлька вышла из купе. Н-да... в ее ли возрасте такие высоты брать? Стресс что ли подействовал? Дома бы и на стремянку не полезла бы, Игорька бы заслала, а тут, смотрите, как коза прямо: то заскочит, то соскочит!

Мимо прошла проводница. Такая же полная, как и Юлька. А выглядит все — равно лучше... Что за невезение такое, даже в мелочах...

Может проводницей устроиться? Так, чтобы дома бывать пореже, а на работе, соответственно, наоборот, почаще? Хотя... дом — то сначала заиметь надо.

Юлька вздохнула. Дура она и есть дура, куда, спрашивается, едет, на что рассчитывает? Надо было нормально с мужем развестись, квартиру разменять, деньги поделить, и жить, как все нормальные люди, на насиженном месте, при своей работе, при своих друзьях...

Алтайский железнодорожный вокзал Юлька освоила быстро. Отыскав камеру хранения, она сдала свои баулы

и налегке отправилась в гостиницу. Спасибо интернету, Юлька еще дома нашла недорогой вариант, и сейчас, набрав местной прессы, отправилась туда.

Таксисты, мгновенно вычислив приезжую, наперебой предлагали свои услуги, но Юлька чинно шагала к остановке. Дурочка она что ли? Маршрут проезда от вокзала до гостиницы она тоже изучила еще дома.

Нужный автобус подошел минут через десять, и Юлька с удовольствием прошла в салон. Красивый город, хороший транспорт, может быть ей здесь остаться жить? Она смотрела из окна автобуса на мелькающие картинки домов и улиц и чувствовала себя неуютно. Красивый, но незнакомый город жил своей жизнью. Нужна ли ему Юлька было большим вопросом, однако, сомнение, что нет, уже закрадывалось. А когда Юлька приехала по адресу, заплатила за сутки и поднялась в свой номер, оно подтвердилось.

Проштудировав газеты и позвонив по нескольким номерам, Юлька уяснила, что даже самое скромное жилье в этом городе для нее не по карману. Жить в съемном – это было вообще не вариантом, она уже не девочка и собственное жилье было абсолютной необходимостью.

Тогда Юлька принялась за периферию. Близлежащие деревеньки и села – вот то, что ей было нужно. Не секрет, что в деревнях жилье спросом не пользовалось, зачастую продавалось за сущий бесценок, а то и вовсе бросалось так.

Прямо Простоквашино какое – то, подумалось Юльке, –

приезжай, выбирай любой пустой дом и живи...

– Юльк? У тя чеснок – то взошел?

– Взошел, баб Нюр, взошел. Прям пётелька к пётельке, красивый такой получился, прям самой нравится...

– К какой такой ишшо пётельке? – прищурила один глаз баба Нюра.

– Ну, к такой, – нарисовала Юлька в воздухе петелечки.

– Ох и дурна ж ты баба, Юлька! Пётелька тебе к пётельке! Ты ж его, поди, верх башкой посадила. Ну?

– А что, у него и башка что ли есть?

– Тьфу ты, зараза. У него – то есть, а у тебя, видать, не шибко. Стриги, говорю, уж покороче, пролалакаешь тут с тобой до обеда...

– Баб Нюр?

– Ну?

– А что мне теперь его пересаживать? Чеснок-то?

– Додумайся ишшо. Так поди што вырастет. Огородница из тебя некудышняя. Спасибо хоть стричь научилась

– Научилась, баб Нюр, научилась. Я уж 20 лет, как ножницами орудую. Практика... С ножницами я и правда как – то лучше управляюсь. Я, наверное, и какие – нибудь кустарники могла бы подстричь. Вам не надо?

– Подь тебя, окаянная. Настригешь ты я чую, без сирени оставишь... От тут ишшо подравняй маненько, да пойду

я. Сын сегодня ко мне приезжает. Слышь, Юльк? Такой же непутевый, как ты... Приходи в баню – то сегодня. Истоплю.

– Да неудобно как – то. У вас сын приедет, вот и общайтесь по – семейному.

– Ииить, никак ты от своих городских замашек не отойдешь. По – семейному... Приходи, говорю, што он, баб чтоль после бани не видел? Поди и в бане видал, окаянный. Тот еще котяра он у меня. Приди, сказала! Чего баня натопленная стоять зазря будет. Нам двоим много ли жара надо? А на всех – самое то будет. Поужинаем.

– Хорошо, баб Нюр. Я салатик тогда сделаю. Тот, который вам в прошлый раз понравился.

– Эт какой? С медузами теми вонючими?

– С кальмарами.

– Не нужен. Ванька шашлык сегодня привезет, вот им и поужинаем!

Баба Нюра ушла, а Юлька вышла следом. Села на завалинку и улыбнулась. Давно ли она приехала сюда разнесчастной бабищей? А теперь, поди ж ты, как задумается, улыбается почем зря.

Деревня встретила ее тогда с радушием. Такого умиротворения в городе Юлька никогда не испытывала. А в каком доме она теперь жила, м-м-м... В сказочном!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.